

Борис Бедный

ДЕВЧАТА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 38

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

Бедный Б.

Б 38 Девчата : Полное собрание сочинений / Борис Бедный. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 880 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25411-4

Борис Васильевич Бедный — советский писатель, ветеран Великой Отечественной войны, занимал должность преподавателя в Литературном институте, где вел семинары на Высших литературных курсах (среди его учеников значится много прославленных писателей, например Чингиз Айтматов). Славу Борису Бедному принесла повесть «Девчата», переведенная на пятнадцать иностранных языков и легшая в основу одноименной картины. Каждому в России хорошо знаком фильм «Девчата», снятый режиссером Юрием Чулюкиным с Надеждой Румянцевой в главной роли. Веселая комедия о любви в затерянном на Урале поселке лесорубов не только покорила зрителей по всему Советскому Союзу, но и получила несколько престижных призов на зарубежных кинофестивалях. Повесть «Девчата», однако, во многом отличается от знаменитой картины: глубже раскрыты характеры героев, суровая жизнь в далеком поселке показана значительно реалистичнее, и даже в сюжете встречаются существенные различия.

Помимо повести «Девчата» Борис Бедный написал немало рассказов (некоторые из них были экранизированы), а также повесть «Большой поток» (1952). Настоящее издание включает в себя полное собрание произведений замечательного классика отечественной прозы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-25411-4

© Б. В. Бедный (наследник), 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ДЕВЧАТА

ДЕВЧАТА ЗНАКОМЯТСЯ С ТОСЕЙ

Ох и долго же добиралась Тося к месту новой своей работы!

Сначала ее мчал поезд. За окном вагона веером разворачивались пустые осенние поля, мелькали сквозные рыжие перелески, подолгу маячили незнакомые города с дымными трубами заводов. А деревни и поселки все выбегали и выбегали к железной дороге — для того лишь, чтобы на миг покрасоваться перед Тосей, с лету прочертить оконное стекло и свалиться под откос. Впервые в жизни Тося заехала в такую даль, и с непривычки ей порой казалось, что вся родная страна выстроилась перед ней, а она в своем цельнометаллическом дружинистом вагоне несется вдоль строя и принимает парад.

Потом Тося зябла в легоньком пальтеце на палубе речного парохода. Старательно шлепали плитки¹, перелопачивая тяжелую сентябрьскую воду. Встречный буксир тянул длиннющий плот: бревен в нем хватило бы, чтобы воздвигнуть на голом месте целый город с сотнями жилых домов, школами, больницами, клубом и кинотеатром. «Даже с двумя кинотеатрами!» — решила Тося, заботясь о жителях нового города, в котором, возможно, когда-нибудь придется жить и ей самой. Дикий лес, подступающий вплотную к реке, перемежался заливными лугами. Пестрые крутобокие холмогорки, словно сошедшие с плаката об успехах животноводства, лениво цедили воду из реки. Сплавщички зачищали берега от обсохших за лето бревен, убирали в запанях² неведомые Тосе сплотовочные станки и боны, готовились к близкой зиме.

Напоследок Тося сменила пароход на грузовик и тряслась в кузове орсовской³ полуторки по ухабистой дороге. Дремучий лес заманивал Тосю все глубже и глубже в заповедную свою чащобу. Взобравшись на ящик с макаронами, Тося с молодым охотничьим азартом озиралась по сторонам, выслеживая притаившихся медведей. Юркая бочка с постным маслом неприкаянно каталась по днищу

¹ Плитца — лопасть парового колеса.

² Запань — заграждение на реке для хранения и сортировки сплаваемого леса.

³ Орсовский — от ОРС — отдела рабочего снабжения.

кузова и все норовила грязным боком исподтишка припечатать Тосины чулки. Тося зорко охраняла единственные приличные свои чулки и еще на дальних подступах к ним пинала бочку ногой. Один лишь разик за всю дорогу она зазевалась на толстенные сосны, с корнем вывороченные буреломом, — и ехидная бочка тотчас же подкатилась к беззащитным чулкам и сделала-таки свое подлое дело...

И вот уже Тося в лесном поселке, где ей предстояло жить и работать. Она еле попевала за длинноногим комендантом, торжественно шествующим по улице с одеялом и простынями под мышкой. В воензированной одежде молодежавтого коменданта объединились несколько родов войск: на нем были кавалерийские бриджи, морской китель и фуражка с голубым летным околышем.

Стараясь не отстать от коменданта, Тося на ходу разглядывала поселок. Когда-то здесь шумел вековой лес, но, воздвигая дома, все деревья, как водится, опрометчиво вырубил. И теперь лишь кое-где, рядом с неохватными полусгнившими пнями, торчали, огражденные штакетником, хлипкие и почти безнадежные прутьики, посаженные местными школьниками в последнюю кампанию по озеленению и благоустройству поселка.

И строгий начальник лесопункта, с которым только что беседовала Тося, и комендант, по-журавлиному вышагивающий впереди нее, и редкие лесорубы, попадающиеся Тосе на улице, — все они, точно заранее сговорившись между собой, довольно удачно делали вид, будто и не подозревают даже, что живут у черта на куличках. Они вели себя так, словно поселок их находился где-нибудь в центральной, легкодоступной для новых рабочих области, а не затерялся в северной лесной глухомани, под самым пунктиром Полярного круга.

«Вот артисты!» — удивилась Тося и потеряла бок, где ныла какая-то молодая косточка, ушибленная в трясучем грузовике.

Забывая все звуки вокруг, пронзительно визжала циркулярная пила на шпалорезке. Тосе казалось, что пиле больно, она кричит-надрывается, жалуясь на свою судьбу, а люди впрягли нестерпимую ее боль в приводной ремень, назвали самоуправство свое работой, дали пиле план и заставляют ее освобождать шпалы, притаившиеся в бревнах, от горбылей и лишних досок. Тося пожалела несчастную пилу и припустила за комендантом.

На складе у излучины реки разгружали состав бревен, привезенных из лесу бойким паровозиком «кукушкой». Никогда еще в своей жизни Тося не видела такой уймы бревен. Высокие штабеля выстроились на берегу многоэтажными домами без окон и дверей. Бревна

тихо лежали в штабелях, отдыхая в ожидании будущей весны, когда их сбросят в воду и они начнут свой долгий и нелегкий путь к сплотночным запаням и перевалочным базам, к лесопильным заводам в устье реки, к далеким стройкам и ненасытным бумажным фабрикам.

— А много у вас лесу рубят! — почтительно сказала Тося, догоняя коменданта.

— Трудимся... — скромно отозвался комендант и, снисходя к Тосяной неопытности, пояснил: — На нижний склад весь лесопункт работает.

— Значит, и верхний есть? — предположила Тося, и ей самой понравилось, что она такая догадливая.

— Есть и верхние... Сама откуда будешь?

— Воронежская я.

— Залетела! — подивился комендант.

Они подошли к женскому общежитию. Комендант враждебно ткнул кулаком в сторону укромной завалинки, выходящей на пустырь:

— А это место Камчаткой у нас называется. Сидят тут некоторые по вечерам. Посидят-посидят, а потом и комнату отдельную требуют. А комнат свободных у нас нету, ты это учти!

Тося боязливо покосилась на Камчатку, сухо ответила:

— Мне это без надобности.

— Все вы поначалу так говорите! — умудренно сказал комендант и вспрыгнул на крыльцо.

Они вошли в темный мрачноватый коридор. Комендант распахнул перед Тосей дальнюю дверь.

— Вот здесь и жить будешь.

Тося пошаркала ногами из уважения к новому своему жилью и шагнула через невысокий порожек. Комната была не так чтоб уж слишком тесная, но и просторной ее назвать язык тоже не поворачивался. Вдоль бревенчатых стен стояло пять коек: четыре из них были застланы, а на пятой лежал голый тощий матрас. Комендант издали хорошо натренированной рукой бросил на него принесенные с собой одеяло и простыни.

— А подушки своей у тебя нету? — с надеждой в голосе обратился он к Тосе. — Тумбочек у нас хоть завались, могу даже две дать, а по части подушек бедствуем...

— Что же мне теперь, спать на тумбочке? — воинственно спросила Тося, уверенная в своем кровном праве на подушку и полная непоколебимой решимости выцарапать у коменданта все, что ей причитается.

Комендант внимательно оглядел Тосю — от стоптанных туфлишек подросткового размера до реденького платка на голове.

— Это что, все твои вещи? — полюбопытствовал он, кивнув на куцый Тосин баул.

— Все... — виновато ответила Тося.

— Тоже мне, приезжают!

Тося самолюбиво закусила губу и вскинула острый девчоночий подбородок.

— Не в вещах счастье!

— Знаешь, девушка, — примирительно сказал комендант, — без них тоже полного счастья нету... Располагайся, подушку я тебе раздобуду.

Комендант вышел. Тося села на свою койку и по давней привычке попробовала было покачаться на пружинах, но у нее ничего не получилось. Она заинтересованно приподняла матрас и увидела под ним доски, лежащие на ржавых железных прутьях.

— Вот тебе и счастье!.. — пробормотала Тося.

Она застелила койку быстро и умело, с явным удовольствием человека, уставшего от бездомья в долгих дорожных мытарствах и радующегося, что наконец-то обретен свой угол.

Несмотря на зеленую ее молодость, заметно, что Тося давно уже привыкла к самостоятельности и всюду, куда бы ни забросила ее судьба, чувствует себя как дома.

Потом Тося не спеша обошла комнату, знакомясь с новым своим местожительством. Она переходила от койки к койке с видом отважного путешественника, углубляющегося в дебри неисследованного края, пытаясь по вещам догадаться, с кем придется ей жить под одной крышей.

Неказист уют девичьего общежития в глухом лесном поселке. Кроме коек и тумбочек, были еще в комнате стол, разнокалиберные стулья и табуретки, старый бельевой шкаф со скрипучей дверцей, жестяной умывальник. Осталось еще упомянуть про громкоговоритель и часы-ходики с крупной гайкой неизвестного происхождения, привязанной для тяжести к гирьке, — вот и все, чем комендант снабдил своих подопечных.

Все койки по воле коменданта были застланы одинаковыми бурыми одеялами, а тумбочки выкрашены в тот же невеселый практичный цвет. Но, несмотря на все это унылое однообразие, каждая койка имела все же свое лицо. Привычки и склонности девчат, живущих в этой комнате, боролись с казарменной обезличкой, которую пытался установить комендант, и одни девчата добились в этой

борьбе явной победы, а другие подчинились армейскому вкусу коменданта.

По-солдатски суров и непритязателен был весь угол комнаты возле первой койки. Не было здесь ничего от себя, своей добавки к казенному уюту. Лишь на тумбочке стояла бутылка с постным маслом и банка с солью, возвещающая, что хозяйка готовит обеды дома.

Равнодушием к уюту вторая койка могла бы поспорить с первой. В этом углу сразу же бросалась в глаза тумбочка, погребенная под ворохом книг. Технические справочники и лесные журналы лежали вперемешку с пухлыми романами. Попадались и новые книги с крепкими корешками, но больше было старых, пожелтевших и зачитанных, порой даже без начала и конца. Судя по некоторым признакам, можно было определить, что хозяйка второй койки любила читать лежа: койка ее прогнулась желобом и видом своим сильно смахивала на гамак.

Третья койка наглядно свидетельствовала о домовитости ее хозяйки и склонности к рукоделию. Казенное одеяло было спрятано под кружевным покрывалом, а в изголовье высилась целая горка подушек, увенчанная маленькой думкой. На спинке койки висело богато вышитое полотенце, а на стене — дорожка с аппликациями. Перед койкой на полу распластался единственный в комнате самодельный коврик, связанный из разноцветных тряпичных полос. И даже унылая тумбочка, покрытая салфеткой с мережкой, выглядела именинницей.

И четвертая койка тоже носила некоторые следы домовитости, но только хозяйке ее, кажется, не хватало терпения и усидчивости своей соседки: покрывалом были накрыты лишь подушки, и вышивка на полотенце была победнее. Зато на тумбочке возле этой койки стояло самое большое в комнате зеркало и вокруг него дружно грудились флаконы с одеколоном, баночки с кремом, пудреница, расчески, щеточки и прочий инвентарь, состоящий на вооружении человека, озабоченного поддержанием своей красоты.

Книги и журналы Тося оставила без внимания, а в большое зеркало заглянула и перенюхала все флаконы, стоящие на тумбочке. За этим занятием и застал ее комендант, неслышно выросший на пороге.

— Держи! — крикнул он, бросая Тосе подушку. — Выход на работу в семь ноль-ноль, столовая — с шести. Привет!

Комендант помахал рукой перед своим носом и захлопнул дверь.

В простенке за печкой Тося нашла сухие дрова и, недолго думая, затопила печь и поставила на плиту чайник. Она наливала в чайник

воду из ведра, когда дверь самую малость приоткрылась и в комнату бочком проскользнул пожилой дяденька с добрым морщинистым лицом. В руке он держал авоську, из которой воинственно торчали длинные макароны.

— Здравсьте... — неуверенно сказала Тося, не понимая, что надо этому человеку в женском общегитии.

Дяденька молча, как старой знакомой, кивнул Тосе, прошел в «солдатский» угол комнаты и стал переключивать содержимое авоськи в тумбочку. Тося долила чайник и набила топку дровами, искоса поглядывая на непонятого человека.

А тот вынул из широкого кармана таинственный пакет, бережно освободил его от множества оберток — и на свет божий глянули знаменитые сусальные лебеди. Из другого кармана незнакомец достал гвоздик, вколотил его гаечным ключом в стену над суровой койкой и повесил картинку с лебедями.

— Не криво? — спросил он у Тоси.

— В самый раз.

Дяденька извлек из неистощимых своих карманов письмо и положил его на койку-гамак. На прощанье он полюбовался лебедями, объявил Тосе:

— Сюрприз! — и бочком выскользнул из комнаты.

Готовясь к чаепитию, Тося вынула из баула помятую жестяную кружку, полумесяц зачерствевшего в дороге бублика и надкусанную конфету «Мишка на севере». Конфету Тося сразу же сунула в рот и с новой энергией стала рыться в утробе своего баула, но больше ничего съестного там не нашла. Она оставила баул в покое и с решительным видом принялась обследовать чужие тумбочки. Много приглянулось Тосе — и вскоре весь угол стола был завален вкусной снедью.

Закипел чайник. Тося щедрой щепотью кинула в него чужую заварку, горделиво оглядела стол и села чаевничать. Она сунула в кружку с чаем большущий кусок сахара, отхватила от булки румяную горбушку, намазала ее толстым слоем масла, густо нашлапала сверху варенья — и только поднесла было заманчивый бутерброд ко рту, как в коридоре послышался топот ног и в комнату вошли живущие здесь девчата: Вера с Катей, Анфиса и немного позже Надя с охапкой дров. Они сгрудились у порога, во все глаза рассматривая незнакомую девчонку, восседающую за столом и уничтожающую их припасы.

— Ты что тут делаешь? — спросила Катя, сильная, ловкая девушка, красивая не так лицом, как всей своей рабочей статью, которую не скрадывал даже мешковатый ватник.

— Чай пью... — отозвалась Тося и отхлебнула из кружки, показывая непонятливым девчатам, как люди пьют чай.

— Да откуда ты взялась?

Тося поперхнулась чаем, закашлялась и неопределенно махнула рукой за спину — туда, где, по ее мнению, находилась Воронежская область. Катя не поняла Тосиной сигнализации и переспросила:

— Откуда, говоришь?

Тося неохотно отвела целехонький бутерброд от губ и сердито ткнула им в сторону своей койки.

— Всю жизнь о такой соседке мечтала! — насмешливо сказала Анфиса.

Она работала телефонисткой на коммутаторе, одевалась лучше всех в комнате и была красива той броской красотой, которая сразу же приковывала внимание: мужчин заставляла оборачиваться на улице, а женщин провожать ее завистливыми глазами. Но было в Анфисе и что-то хищное, кошачье. Слишком рано в жизни Анфиса узнала, что она красива, и это знание обернулось для нее чувством своего извечного превосходства над другими девчатами. Ни с кем в комнате Анфиса не дружила и по-своему уважала одну лишь Надю — за то, что часто не понимала ее.

Анфиса шагнула к столу и отодвинула от Тоси свою банку с вареньем.

— Это кто же научил тебя по чужим тумбочкам лазить?

— Так вас же никого не было, — оправдывалась Тося, не чувствуя себя ни капли виноватой. — А у меня сахар кончился! Мы в детдоме так жили: все — общее...

— Детдомовская! — презрительно выпалила Анфиса. — Оно и видно!

Тося приподнялась было, чтобы защитить честь родного детдома, но Вера — самая взрослая из девчат — удержала Тосю на табуретке и придвинула к ней свою пачку печенья:

— Пей чай, а то остынет.

Тося послушно отхлебнула из кружки, наконец-то добралась до вкусного бутерброда и с набитым ртом снизу вверх признательно глянула на добрую Веру.

Вера училась заочно в лесном техникуме, работала разметчицей на верхнем складе и была старостой комнаты. Она успела уже побывать замужем, и все девчата, кроме Анфисы, привыкли советоваться с ней. Для всех в комнате Вера была непререкаемым авторитетом, и даже бойкая Анфиса остерегалась с ней спорить.

— Прямо из детдома к нам? — поинтересовалась Вера, и в голосе ее прозвучала жалостливая нота.

Тося терпеть не могла, когда ее жалели, как разнесчастную сиротинку, и насупилась.

— Нет, я уже сезон в совхозе проработала. Покритиковала агронома — меня и... того, по собственному желанию... Девчонки, это правда, у вас тут медведей в лесу тьма-тьмущая?

— Ты нам медведями зубы не заговаривай! — оборвала ее Анфиса.

— И чего ты на меня взъелась?.. — Тося оглядела девчат. — У вас каждая сама за себя живет? — догадалась вдруг она и сокрушенно покачала головой, жалея, что заехала в такие дикие частнособственнические края. — Давайте так: все мое — ваше, и наоборот...

— Видно, больше наоборот! — съязвила Анфиса.

Она спрятала в свою тумбочку банку варенья, а заодно уж вытащила из-под койки чемодан и проверила, цел ли замок. Завидев такое, Тося вскочила с табуретки и стукнула кружкой по столу, расплескивая чай.

— Девчата, да вы что?!

Тося схватила свой баул и перевернула его над столом. На клеенку посыпались свернутое жгутом полотенце, новенькая пластмассовая мыльница, зубная щетка, немудрящее Тосино бельишко, одна-разъединственная варежка с левой руки, осколок хорошего толстого зеркала, крупная дешевая брошка, разномастные пуговицы и перевязанная ленточкой пачка фотографий самых любимых Тосиных киноактрис.

— Вот, пользуйтесь!

— Богато живешь! — фыркнула Анфиса.

— «Пользуйтесь!»! — взвизгнула смешливая Катя, хватаясь за живот. — Ну и комик!

— Хватит вам, — остановила подруг Вера, снимая с плеча полевою кирзовую сумку.

Одна лишь рослая хмурая Надя не принимала участия в общем разговоре, будто и не видела Тоси. Заприметив лебедей над своей койкой, она тихо спросила:

— Ксан Ксаныч приходил?

— Был тут один старичок... — отозвалась Тося.

Катя шикнула на нее и толкнула в бок. Удар пришелся в ту самую невезучую косточку, которую растрясла Тося в грузовике. Она поморщилась, потерла пострадавший за здорово живешь бок и спросила густым шепотом:

— А кто ей этот дядька?

— Же-них! — еле слышно ответила Катя.

— Да разве такие женихи быва...

Надя покосилась в их сторону — и Катя поспешно запечатала рукой Тосин рот. И Вера строго глянула на Тосю, нарушившую по неведению какой-то неписанный закон комнаты.

— Поменьше болтай, — сказала она и пошла в свой угол.

Подкладывая в печку дрова, Надя пристыдила Тосю:

— Ты что же, кума, всю сухую растопку спалила? Дрова у нас за домом в крайней поленнице.

— А я ж не знала... — проямлила Тося, не решаясь почему-то дерзить суровой Наде, которой так не повезло с женихом.

Надя мельком глянула на съезжившуюся Тосю и отвернулась, признавая причину уважительной. Она хлопотала у плиты, готовя ужин для себя и Ксан Ксаныча. Руки ее — большие и сильные — умело делали свое привычное дело, а лицо было какое-то безучастное, словно ничего вокруг Надя не видела и все время думала одну невеселую думу.

Таких рослых и крепких девчат, как Надя, беспрекословно берут на работу самые привередливые начальники и охотно принимают в свою бригаду рабочие. По общему мнению всех ее подруг и знакомых парней, Надя была некрасива. Те ребята, которые нравились Наде, всегда хорошо о ней отзывались, стреляли у нее пятерки перед получкой, уважали ее, случалось, даже дружили с ней, — а влюблялись в других девчат и женились на них.

В свои двадцать семь лет Надя уже свыклась с выпавшей на ее долю участью, стала молчаливой и замкнутой. Кажется, она примирилась с судьбой и даже выбрала жениха под стать себе. А впрочем, в Наде чувствовалась упрямая, до времени дремлющая сила, будто сжатая пружина сидела в ней и с каждым днем сжималась все крепче и тесней, чтобы когда-нибудь распрямиться и сработать — неожиданно для всех, да и для самой Нади...

Вера повесила полевую сумку над тумбочкой с книгами и заметила на подушке письмо, принесенное Надиным женихом. Тень скользнула по лицу Веры, и вся она как-то посуровела и подобралась, будто встретилась с давним своим врагом. Мельком глянув на конверт, Вера брезгливо взяла письмо двумя пальцами, шагнула к печке и кинула его в топку. Удивленная Тося поперхнулась чаем и обежала глазами девчат, но ни одна из них даже и бровью не повела, будто так и надо — жечь письма, не читая их.

— Опять от мужа? — спросила Надя.

Вера коротко кивнула головой.

— Красивый у него почерк! — похвалила Катя, разглядывая в топке конверт.

— Да, почерк у него красивый... — нехотя согласилась Вера и отошла от печки.

Тося испуганно смотрела на письмо, корчившееся в огне, будто ему больно было, что его не прочитали.

— А я еще ни одного письма в жизни не получила! — призналась она. — Даже открыточки...

— Ладно, — оборвала ее Вера. — На работу уже устроилась?

— Определилась! — с гордостью ответила Тося. — На участок мастера Чуркина. Поваром...

Катя снова взвизгнула:

— Повар! Гляньте, люди добрые!

— Эта наготовит! — подхватила Анфиса. — Подтянет у ребят животики... Да ты знаешь, как трудно лесорубам угодить?

— Будет вам, совсем девчонку затуркали, — приструнила не на шутку расхोлившихся девчат Вера и посочувствовала Тосе: — Что делают, а? Никто из местных в повара не идет — так тебя поставили!

Тося орбела.

— Много едят? Привередливые?

— Поработаешь в лесу, так узнаешь... Ты хоть стряпала когда-нибудь? — любопытствовала Катя.

— Приходилось... Я вообще способная, — доверчиво сказала Тося. — Научные работники не жаловались.

— Научные работники? — опешила Катя.

— Ты ври, да знай меру! — посоветовала Анфиса.

Новенькая чем-то раздражала Анфису, ей все время хотелось разоблачить дерзкую девчонку и вывести ее на чистую воду.

— А чего мне врать? — изумилась Тося. — Когда из совхоза меня выпурили, я настроила письмо в газету. А пока там проверяли, чтобы факты подтвердились, я и подалась к одним преподавателям в домработницы. Он — доцент, а она... это самое, аспирантка, вот и получают самые настоящие научные работники! Если хочешь знать, к нам и профессор один приходил чай пить. Большой, говорят, учености человек, а только мне он не показался...

Анфиса досадливо отвернулась, злясь, что Тося выкрутилась и на этот раз. А Катя с жгучим любопытством уставилась вдруг на новую свою соседку и придвинулась к ней со стулом, чтобы лучше рассмотреть бывшую домработницу.

Катя была родом из ближней деревни и никуда дальше райцентра не ездила, но за два десятка прожитых ею лет, помимо лесору-

бов, колхозников и трактористов, с которыми она встречалась каждый день, как только начала себя помнить, перевидала немало и других людей. В разное время и при разных обстоятельствах Катя видела: электриков, пилоправов, плотников, слесарей, зоотехников и агрономов, кочегаров и бухгалтеров, машинистов и машинисток, механиков, инженеров, лесников и лесничих, топографов, таксаторов¹, геологов, радистов, сплавщиков и речников, секретаря райкома партии и председателя райисполкома, руководящих комсомольских и профсоюзных работников, корреспондентов, фотографов, операторов кинохроники, нагрянувших в прошлом году снимать передовую бригаду, учителей, фельдшерниц, докторов и зубного техника, бурового мастера, специалистов по борьбе с лесными вредителями, одного водолаза, киномехаников, артистов, чтеца-декламатора, двух лилипутов, заезжего факира и шпагоглотателя, заготовителей грибов и ягод, инспектора по клеймению гирь и весов, многочисленных и сердитых уполномоченных, приезжающих в лесопункт «снимать стружку» с местного начальства, судью и прокурора, управляющего лесозаготовительным трестом, маникюршу, настоящего дамского парикмахера, берущего за модную завивку пятьдесят рублей, летчиков лесной авиации, лекторов и даже самого председателя Совнархоза, — а вот с живой домработницей Катя повстречалась впервые в жизни.

— Ну и как? — спросила Катя, с почтительным любопытством взирая на человека такой редкостной и неуловимой профессии.

— Что как? — не поняла Тося.

— Работалось как и... вообще?

Катя неопределенно покрутила рукой в воздухе.

— Три недели выдержала, а потом сюда завербовалась.

— Ты смотри, что делают! — ахнула Катя, уперлась своим стулом в Тосину табуретку и спросила сердобольным шепотом: — Эксплуатировали?

— Вот еще! Так бы я и позволила...

Катя растерянно поморгала.

— Куском попрекали? — догадалась вдруг она.

— Да нет! Очкарики мои сознательные были. Я у них... прямо как при коммунизме жила: утром девочку в садик отведу, на рынок сгоняю и сижу себе на балконе. Пока обед варится, я квартиру убираю — отдельная, две комнаты с кухней... Жаль, пылесос у них сломался, не пришлось попробовать! — пожалела Тося. — А каждый вечер телевизор смотрела. Это — вроде кино, только в ящике...

¹ *Таксатор* — оценщик, ведущий учет и материальную оценку леса.

Катя опять заморгала. Она вдруг почувствовала самолюбие свое задетым и надулась. Куда было ей тягаться с Тосей! Инспектор по клеймению гири и весов, водолаз и даже два лилипута померкли вдруг в ее глазах. Телевизор Катя видела только на картинке, а о пылесосе и слыхом не слыхала. Она вдруг остро позавидовала Тосе — малолетке, которой довелось так много перепробовать на своем веку и чуть было даже не посчастливилось подметать пол неведомым пылесосом.

— Так чего ж ты сбежала? — не на шутку рассердилась Катя и отодвинула свой стул от Тосиной табуретки.

Тося серьезно призадумалась, не зная, как ей растолковать любопытной Кате, почему ушла она от добрых научных работников. Очки положили ей приличную зарплату, доверяли ей и никогда не пересчитывали сдачу, усаживали ее обедать за один стол с собой и, как гостье, первой наливали в тарелку, а к Октябрьским праздникам аспирантка обещала подарить Тосе свою почти новую юбку чуть-чуть устаревшего фасона «солнце-клевш».

— Гляньте, она язык проглотила!.. Ну, чего ты? — поторопила Катя замешкавшуюся Тосю. — До того насолили, даже говорить неохота?

— Почему же, охота... — заупрямилась было Тося и снова при- молкла, вспоминая недавнее свое житье-бытье.

Доцент с женой так старались, чтобы она не чувствовала никакого различия между ними и собой, что Тося вскоре догадалась: сами они в глубине души признают это различие, хотя из вежливости и делают вид, что она такая же, как и они. Сначала Тося просто не поняла, в чем тут закавыка, а потом пораскинула умом и пришла к выводу: все упирается в новую ее работу. Было в этой работе что-то такое, что унижало Тосю в чужих глазах и давало повод смотреть на нее сверху вниз.

И тогда, так и не дождавшись, пока осторожная газета соберет все факты в кучу и призовет зловредного агронома к ответу, удивив доцента с аспиранткой черной своей неблагодарностью, Тося завербовалась вдруг помогать лесной промышленности и укатила на Север от приглянувшегося ей уютного балкончика и волшебного полированного ящика, битком набитого концертами, постановками и старыми фильмами, от неисправного загадочного пылесоса и обещанной ей почти новой юбки заманчивого фасона «солнце-клевш»...

— Ну?! — теряя последнее терпенье, выпалила Катя.

Она решила, что новенькая просто морочит ей голову, и поднесла литой свой кулак к многострадальному Тосиному боку. Тося жи-

во отшатнулась от драчливой соседки и пустилась в непривычные рассуждения:

— Понимаешь, вот в совхозе хлебнула я всякого, а все же при настоящем деле была. А у этих... Поддай, прими... И не тяжело вроде, а тянет... Кусается, понимаешь?..

Тося виновато примолкла, чувствуя, что взялась за непосильное для себя дело.

— Только и всего? — разочарованно спросила Катя, ожидавшая, что Тося сверху донизу разоблачит научных работников и камня на камне не оставит от всей их шикарной жизни. — У нас здесь тоже не мед. Еще пожалеешь, что ушла с теплого местечка! Ведь на всем готовом...

Тося презрительно отмахнулась:

— Здоровая выросла, а ничего не понимаешь! На производстве я любую работу делать согласная, потому — для всех. А там... Ну их! Пусть сами за собой...

— Правильно, — поддержала ее Вера. — Частный сектор!

— Чего-чего? — не поняла Тося.

— Человеческое достоинство твое там унижалось, — наставительно сказала Вера, разъясняя малоначитанной Тосе, что испытала та в домработницах.

Тося покрутила головой: и противоречить Вере, оградившей ее от наскоков ехидной Анфисы, не хотелось, и по молодости лет лестно было, что такие умные вещи, оказывается, происходили с ней в домработницах, — и в то же время совесть не позволяла Тосе обозначить простые свои переживания теми солидными книжными словами, которые по доброте душевной подсовывала ей Вера.

— В общем, не с руки мне было... — подытожила Тося недолгую свою жизнь в домработницах. — Девчонки, а северное сияние у вас бывает?

— Увидишь, — пообещала Вера.

— Будет тебе тут сиянье... — проворчала Анфиса, не решаясь больше в открытую нападать на Тосю, которую взяла под свою защиту староста комнаты.

Тося допила чай, на закуску выскребла из кружки нерастаявший сахар и зажмурилась от удовольствия.

— Ладно, — сказала Вера, — живи у нас. А насчет повара мы еще посмотрим, — может, и другую работенку тебе подберем. Давай знакомиться.

Она протянула Тосе руку. Тося назвала свое имя, подумала и добавила для солидности:

— Кислицына.

— Кислица, значит? — подхватила смешливая Катя и вытерла руку о платё.

А Надя шагнула к Тосе, по-мужски сильно тряхнула ее руку, глянула на стоптанные Тосины туфленки:

— Это вся твоя обувка? По утрам уже студено у нас.

Надя вытащила из-под своей койки большие разношенные сапоги, кинула их к ногам Тоси:

— Примерь.

С готовностью, в которой проглядывала не изжитая еще детская любовь к переодеваниям, Тося нырнула в зияющие голенища и, высоко поднимая ноги, прошествовала по комнате.

Катя взвизгнула:

— Кот в сапогах!

— На первое время сойдет, — решила Вера, гася улыбку.

Тося с вытянутой заранее рукой двинулась было к Анфисе, обосновавшейся перед зеркалом, но та издали представилась ей:

— Анфисой меня величают. Приветик!

— А ты красивая! — простодушно удивилась Тося, рассматривая Анфису и позабыв уже о недавней их стычке. — Повезло тебе... Даже на какую-то актрису смахиваешь! — Она порылась в пачке заветных фотографий. — Запропала куда-то...

— Ты этими актерками голову себе не забивай! — оборвала ее Вера, недовольная, кажется, тем, что Тося похвалила Анфисину красоту. — Будешь в вечерней школе учиться.

— Учиться? — ужаснулась Тося. — Да я... А разве у вас есть вечерняя школа? Надо же! Столько ехала-ехала и приехала в вечернюю школу!

ИЛЬЯ ВСТУПАЕТ В ТОСИН КРУГ

Чтобы долгой северной зимой лесорубам было что вспомнить, уходящий сентябрь понатужился, собрал все свои силенки и сотворил золотой денек — теплый, тихий, полный прощальной осенней грусти.

На делянке мастера Чуркина, на краю вырубки, под неказистым кухонным навесом хозяйничала Тося-повариха. Ей все казалось, что ближний лес, стеной стоящий шагах в десяти от навеса, неотрывно следит за ней и от нечего делать прикидывает: справится она с обедом или нет. Тося терпеть не могла, когда к ней вот так приглядываются, и злилась сейчас на непутевых лесорубов. Пилят лес черт-те где, а ближнюю к кухне рощу проворонили. Слепые они, что ли?

Стыдясь заношенных скучно-зеленых спецовок, сбились в кучу сосны и ели, а редкие лиственные деревья красовались среди них недолгими именинниками. В ярких дорогих нарядах щеголяли сквозные березы. Зазывно атели разбогатевшие к зиме печальницы осинки. Будто опаленный пламенем, горел на солнце богато разукрашенный одинокий клен — любимчик осени.

На вырубке, где кулинарила Тося, было светло, как в далекой воронежской степи, а в лесу стояла дикая, пугающая Тосю темень. Солнце не в силах было пробиться сквозь густое сплетенье ветвей. Лишь в одном месте, нащупав узкую прогалину, луч солнца врывается в чащобу, дробится на частоколе стволов, прожекторным лучом выхватывает из небытия сухой костлявый сучок, подсвечивал косо зависшую сосенку и бессильно сникал у подножья мрачной обомшелой ели, под которой Тосе чудилась медвежья берлога. По крайней мере, на месте здешнего медведя Тося именно под этой елкой обосновалась бы на жительство со всеми своими мохнатыми медвежатами — а там, конечно, дело хозяйское...

Тося вдохновенно солила вареву — под вкрадчивое стрекотанье и пришепетыванье бензомоторных пил, грохот сваленных деревьев, рокот трелевочных тракторов и частую веселую дробь топоров. Она совала дрова под котел, большущим, прямо-таки пиратским ножом кромсала капусту и украдкой поглядывала в ту сторону, где работали незнакомые и страшноватые, как ей казалось, лесорубам.

Все на кухне было крупное, громоздкое — и котлы, и черпаки, и ножи, — словно до Тоси здесь стряпала какая-то великанша. Но маленькая Тося ничуть не робела среди этого великаньего инвентаря и храбро орудовала им. Чего никак нельзя было ожидать вчера — Тося сейчас, под кухонным навесом, была удивительно на своем месте, будто и родилась для того, чтобы готовить обеды лесорубам.

Неподалеку от навеса обосновался со своим пилоправочным станочком Надин жених Ксан Ксаньч, забракованный вчера Тосей. Он точил зубья пильной цепи и время от времени ободряюще покашливал, чтобы Тося не чувствовала своего одиночества.

За кустом орешника, на полпути между Тосей и Ксан Ксаньчем, кто-то вдруг заворочался и страшно всхрапнул.

— Ой, кто это? — испугалась Тося и схватила черпак. — Не медведь?

— Медведи сапог не носят, — спокойно объяснил Ксан Ксаньч и кивнул на рыжие, давно не чищенные сапоги, высунувшиеся из куста. — Это мастер наш храпака дает.

— Любит поспать? — спросила Тося.

— А чего ему не спать? Зарплата идет...

Мимо навеса прогрохотал широколобый трелевочный трактор, таща за собой большой воз очищенных от сучьев стволов, которые здесь все называли хлыстами. Длинные хлысты прогибались, как прутки; толстые комли¹ глубоко бороздили землю. Из кабины высунулся чумазый тракторист, помахал Тосе рукой и крикнул:

— Жарь-вари!

Тося проводила трактор почтительными глазами и по давней своей привычке топнула вдруг ногой, настраиваясь на поэтический лад. Еще учась в пятом классе, Тося сделала открытие: если как следует топнуть ногой, то потом уж никакого труда не составит сочинить строчку-другую стихов. Стихи эти, может быть, и не блистали особыми поэтическими совершенствами, но в оправдание Тоси надо сказать, что печатать их она не собиралась и даже на бумагу никогда не записывала. Тося пнула матушку-землю и пропела себе самовосхвалительную песенку, тут же сочиняя слова:

Она варила-жарила,
Всех... позади оставила!

— Пшеничная каша сама себя хвалит! — сказал Ксан Ксаных и покачал головой, удивляясь молодой Тосиной нескромности. Он тут же испугался, не обидел ли Тосю, и спросил доброжелательно: — Ну как, получается обед?

— Да вроде получается... — не очень-то уверенно отозвалась Тося.

Она попробовала свое варево, покрутила головой, поморгала и с видом «пропадай все пропадом» кинула в котел махонькую щепотку соли.

— Вкусно? — полюбопытствовал Ксан Ксаных.

— А кто ж его знает? На вкус и цвет...

С делянки донесся крик Кати:

— Кислица, воды давай!

Тося вопросительно посмотрела на Ксан Ксаныха:

— У вас повара воду носят? Входит... это самое, в круг обязанностей?

— Входит... Ты только смотри, поосторожней там, а то ненароком зашибут лесиной.

— Не для того я сюда приехала! — убежденно сказала Тося, схватила ведро, сполоснула кружку кипятком, забочась о гигиене, и пошла поить лесорубов.

¹ *Комель* — нижняя, прилегающая к корню часть дерева.

БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ БЕДНЫЙ

ДЕВЧАТА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.04.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 53,9. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сойкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-34401-01-R